

Радости реставрации

Мы считаем, что он жил в страшную пору. А он жил с удовольствием

Независимая — 2002 — 28 марта — СЭ

Фарид Изюмов

Сэмюэль Пипс. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. Составление, перевод с английского и примечания А.Ливерганта — М.: Текст, 2001, 157 с.

В лондонском метро я видел поразительную картину (подобное было возможно только в Москве эпохи крутого застоя): молодой человек читал толстенный том. Словарь, подумал я привычно, или энциклопедия. Оказался Джойс. Да еще и на английском, что сразило напрочь. В московском же метро сегодня верх интеллекта — это Б.Акунин.

Ну, конечно, издают и читают в Англии Пипса: «большого» — полную многотомную расшифровку его блистательных дневников; двухтомного избранного «малого» и еще много всяких «на каждый день». Оно того стоит.

Первое русское, отрывочное издание построено тематически: «При дворе», «Пожар», «Чума», «Улица», «Развлечения», «Застолье» и так далее. Сэмюэль Пипс — младший современник Кромвеля, свидетель казни Карла I и крупный чиновник времен реставрации английской монархии при Карле II, Веселом, оставил свои откровенные дневники зашифрованными. Их рассекретили только в начале XIX века, и с тех пор они не вылезали с полки английских бестселлеров.

Нет смысла воспроизводить здесь портрет Пипса, обнаруженный мною в одном из припикадильских пабов, носящем его имя. Тот человек в парике похож на кого угодно в парике, да хоть на Ломоносова. Это тоже — истинный Пипс, простой, как мычание.

Фото Жанин Энтони

Время Пипса — Реставрацию Стюартов — можно сравнить с временем Ельцина, когда после пуританских и кровавых радо-

стей развитого социализма пришли долгожданные и кровавые свобода и веселье. На английский, разумеется, манер. О

трудах и днях подданных Карла Веселого написано много и серьезно, но лучше всего — у нашего автора. Вот наугад:

«...завязалась потасовка, в ход с обеих сторон пошли кулаки, палки, ножи. Смотреть на это было одно удовольствие, но я стоял в самом центре и боялся, как бы не досталось и мне».

«...с месяц назад на балу во дворце одна дама, танцуя, вы-

душен и терпелив, что в его возрасте случается весьма редко».

«...мы пили за здоровье короля и ни за что больше, пока один джентльмен не рухнул мертвецки пьяный, залитый собственной блевотиной. Я же отправился к своему господину в добром здравии; однако стоило мне лечь, как голова у меня закружилась и меня нача-

Гаррисона; его должны были повесить и четвертовать; когда толпа продемонстрировала его голову и сердце, он улыбался во весь рот — как и любой бы на его месте. При виде головы казненного толпа издала радостный вопль».

«Всю первую половину дня занимался с женой арифметикой; научилась сложению и умножению, с делением же повре-

С месяц назад на балу во дворце одна дама, танцуя, выкинула; кто это был, так и осталось неизвестным, ибо плод тут же, завернув в платок, унесли

кинула; кто это был, так и осталось неизвестным, ибо плод тут же, завернув в платок, унесли».

«Проповедь была превосходна, публика — тоже, я, однако ж, все время боролся со сном, был не в себе, уронил шляпу в проем под кафедрой, каковую, впрочем, когда служба кончилась, извлек с помощью длинной палки и служки...»

«...доктор Кейс питался одним женским молоком и, куда пил молоко злой, сварливой женщины, сам был злым и сварливым; когда же ему посоветовали отведать молока женщины добродушной и терпеливой — сделался добро-

ло рвать; никогда еще не было мне так худо, чего, впрочем, я толком не почувствовал, ибо уснул и спал до утра, — только пробудившись, я обнаружил, что лежу в луже блевотины. Так кончился сей день — радостный день, радостный для всех».

Теперь, после всего, что было, могу засвидетельствовать: если повидать то, что повидал в тот славный день я, можно смело закрыть глаза и не смотреть ни на что более, ибо в этом мире ничего столь же замечательного мне все равно не увидеть».

«...я отправился на Чаринг-Кросс, на казнь генерал-майора

мению — покамест начнем географию».

«Утром — в присутствие, где обнаружил малютку Гриффинс, подметавшую пол. Как же она мне нравится, прости Господи! Но я ее не трогаю. Когда она ушла, принялся проделывать в стене кабинета отверстия, дабы видеть, что делается в общем зале, не заходя туда, отчего пришел в хорошее настроение».

Это лишь малая толика Пипса. Попробуйте сказать, что он не про нас. Читайте Пипса. Любите Пипса. Пипс вечен. Тем более в прекрасном переводе Александра Ливерганта.